

В ноябре 2020 (по другим исследованиям 2021 года) исполняется 400 лет со дня рождения великого русского писателя протопopa Аввакума. С его именем связаны трагические события на Руси: властей светских и духовных поманили пришедшие с Запада, по мнению Аввакума, «затеи и заводы пустошного века сего». В результате русское общество и церковь в середине семнадцатого века разделились надвое. Публицист и философ России Василий Розанов когда-то написал о расколе: «Если на Всемирном Соборе русские будут когда-нибудь спрошены, — от чего вы никогда не отрекались, чему всем пожертвовали? — они найдутся, в конце концов, указать на старообрядцев: вот, некоторая часть нас верила, не предала, пожертвовала». Да что там русские? «Старообрядчество — пробный камень русского патриотизма», — написал совсем недавно французский славист Жорж Нива.

Великий страстотерпец протопоп Аввакум — один из многих «древлеправославных», которые могут служить примером того, как надо стоять за свою веру, за традиции, предками завещанные. Но протопоп Аввакум особенный — неистовость и страстность, с которой он защищал Русский Мир, сделала его великим писателем. И Сибирь тому помогла. Не только о сибирских «тундряных мытарствах», «казнях кнутобойных», о сидении в промозглой братской башне вспоминал протопоп. Отогревали сердца аввакумова семейства забайкальские старооселенцы, рыбаки. Писанные лучинкой столбцы его «Жития» оставили нам тёплые воспоминания о Тобольске, о мудром и сострадательном владыке, тобольском архиепископе Симеоне. Везде земля божья...

К сожалению, иные ещё и сейчас по причинам, не имеющим ни к литературе, ни к истории никакого отношения, к имени, деяниям и всемирной славе протопopa Аввакума относятся, мягко говоря, с предубеждением. Было и остаётся опасение, что светские власти юбилей спустят, что называется, на тормозах. И это несмотря на то, что сам президент России при личной встрече с главой РПСЦ митрополитом Корнилием обещал отметить этот юбилей на государственном уровне. Говорят, составлен план мероприятий.

Подождем ещё — протопоп Аввакум явление вне времени.

(Юбилейный год, который по решению РПСЦ приурочен ко дню памяти пророка Аввакума, считай, уже миновал. И что? Гробовое молчание. Наши доблестные СМИ, канал «Культура» кого только не величали! Но только не писателя, который для России так же велик и значим, как Данте для итальянцев, Шекспир для англичан. Позволили бы они себе пропустить их вековые юбилеи?)

У светской культурной общественности есть ещё время избежать позора беспамьяства и неблагодарности, вспомнить великого писателя, волшебника русского СЛОВА.

Да и то сказать — о чём шла пря в середине семнадцатого века? И что она значит для сегодняшней жизни? Уж если сами старoverы всех четырёх (кажется) толков не могут разобраться, на какой основе возможно им сосуществовать, вместе противостоять чудовищной лжи, веками на них льющей, то что может сделать просто культурная, читающая и перечитывающая протопопово «Житие» публика? Выдающийся современный русский поэт, прямой потомок великого протопопа Мария Аввакумова в статье «Мы все из Аввакумова костра» (статья посвящена роману Глеба Пакулова «Гарь») вопрошала: «Стойкие оловянные солдатики старой веры... Зачем и куда затребовалась ваша упругая светоносная энергия? Какие сгустки космической жизни насыщены ею? Не вем. Не вем...»

Оно и правда. А подумать стоит — ещё «не вем», или уже не «вем»? Но это дело науки. И светской и церковной. А мы? А мы оставим этот «спор славян между собою», перечтём великое «Житие» протопопа Аввакума, и все, старoverы и новoverы, верующие и неверующие, светская власть и духовная не только утвердимся в необходимости уврачевания той давней раны раскола, которая тяготит русское общество, но и порадуемся тому, что великие нестроения порождают иногда великих писателей.

Со временем протопоп Аввакум Петров всё больше и больше предстаёт перед нами не только как Великий Гражданин, сгинувший в огне за свою правду. Современные литераторы, как в своё время и их предшественники, всё чаще и чаще черпают вдохновение в огненной небесной стихии аввакумова вещего Слова. Сейчас мы понимаем, насколько был прав великий провидец протопоп, когда взывал к церковным и светским властям — не забывайте своё первородство, не соблазняйтесь переменами по заёмным сатанинским лекалам! Да что теперь о том?

Большой соблазн поразмышлять о том, как бы развивалась русская словесность в восемнадцатом веке и даже в пушкинские времена, если бы «Житие» протопопа Аввакума не замалчивалось церковью и властями — ведь оно получило широкую известность лишь во второй половине девятнадцатого века и сразу же стало предметом удивления и восхищения читающей публики: как удалось писателю бесстрашно соединить в своём творчестве образную мощь лексики библейских пророков и писателей христианского Востока с традицией русской учительной и полемической литературы (того же Ивана Грозного и Иосифа Волоцкого), да всё это перемешать с разговором московского посада?

Язык писателя сформировался в смелом преобразовании и свободном синтезе многих тенденций, о чём писал и сам протопоп Аввакум: «У богатого человека, Христа, у Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатого гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получу, у Давида царя и у Исаяи пророков, у посадских людей по четвертинке хлеба выпрошу. Набрал котёл, да и вам даю, жителям в доме Бога моего».

Давайте послушаем и ещё насладимся словом самого Аввакума.

«Поехали из Даур, стало пищи скудять и с братиею Бога помолили, и Христос дал нам изюбря, большого зверя — тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболияная, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас с моря ухватя, далеко на гору несли... Надавали пищи, сколько нам надобно; осетров свежих перед меня привезли... Погостя у них, и с нужду

запасцу взяв, лотку почены и парус скропав, через море пошли. Погода окунула на море, и мы гребми перегреблись: не больно о том месте широко, — или со сто, или с осьмьдесят вёрст. Егда к берегу пристали, восстала буря ветренная, и насилу место обрели от волн. Около его горы высокие, утёсы каменные и зело высоки — двадцать тысяч вёрст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы — и всё богоделанно. Лук на них растёт и чеснок, больши романовского луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красные — и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нём — осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги. И прочих родов много. Вода пресная, и нерпы и зайцы великие в нём: на океане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нём: осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковороде: жир всё будет. А всё-то у Христа того, света, наделано для человеков, чтоб, успокояся, хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дни его яко тень проходят; скачет, яко козёл, раздувается, яко пузырь, гневается, яко рысь, лукавает, яко бес — и не вем, како отходит — или во свет, или во тьму».

Высоко ценили творчество Аввакума русские писатели. И.С. Тургенев, живя и вне России, не расставался с «Житием», ценил его «живой, мужицкий голос», любил повторять: «Вот книга. Каждому писателю надо её изучать!». Для Льва Толстого «Житие» было предметом семейного чтения. Как вспоминали его домашние, читая его, Толстой часто плакал и, кстати, желал видеть аввакумово «Житие» в школьных хрестоматиях. Алексей Толстой и не скрывал того, что при написании своего «Петра I» он невольно вспоминал Аввакума, его язык — живой и полнокровный. Леонид Леонов признавался, что эпический темперамент и язык «Жития» имели на его творчество большое влияние. Николай Клюев, «псалмопевец-баян», одноземлец Аввакума, ставил его «огненное имя» после первого божественного небесного поэта Давида-царя, считал его первым поэтом на земле, «глубиною глубже Данте и высотой выше Мильтона». А вот мнение современного исторического писателя Валентина Пикуля: «Каждый писатель хоть раз в жизни должен прикоснуться к этому чудовищному вулкану — этому русскому Везувию, извергавшему в народ раскалённую лаву афоризмов и гипербол, образов и метафор, таланта и самобытности».

Протопоп Аввакум — реформатор традиционной для России средневековой агиографической (житийной) литературы. Его «Житие» — первый опыт автобиографии. Он по праву считается родоначальником русского беспощадного реализма и нашей замечательной публицистики от А. Герцена до В. Распутина.

Если строго судить, то протопоповы реформы русской словесности, в сущности, таковыми и не являются. Его письмо — плод естественного, «природного», по определению самого Аввакума, развития русского языка. Но именно он это первый уловил и письменно закрепил. Аввакум стал решительным противником как модного в учёных кругах «грекофильства», с его структурированной лексикой, так и, с другой стороны, западно-европейских барочных словесных завитушек.

И ещё одна, может быть, первейшая заслуга великого протопопа заключается в том, что именно благодаря ему сочинительство, литература становятся не только спасительным для души делом, обычным для христианского, русского православного монашества, но самодовлеющей культурной ценностью. Прав Дмитрий Лихачёв: «В тысячелетней истории русской литературы имя протопопа Аввакума

горит среди ярчайших её представителей — рядом с Пушкиным, Гоголем, Достоевским и Толстым».

Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков считали, что «Житие» непереводаемо на европейские языки. Тем не менее оно переведено на французский, английский, немецкий, итальянский, шведский, венгерский, японский, китайский и др. Его ценят и тщательно изучают в европейских институтах славистики (интересно, есть ли у нас таковые?) Французский славист Пьер Паскаль (1890–1983 гг.) в своём фундаментальном труде «Протопоп Аввакум. Начало раскола» высоко оценил Аввакума не только как великого писателя: «В нём, в этом гениальном человеке, обитала удивительная духовная свобода, питаемая глубокой верой в провидение и постоянным погружением в сверхчувственный мир». (К слову сказать: именно этот труд глава РПСЦ митрополит Корнилий, надеясь на личное внимание президента к творчеству великого протопопа Аввакума, подарил В.В. Путину.) Надеялся хотя бы потому, что из многочисленных памятников древнерусской литературы лишь два — «Слово о полку Игореве» и «Житие» протопопа Аввакума считаются памятниками всемирного культурного наследия.

«Станем zde и рассудим о себе» — советовал Аввакум старцам в одном из своих писем. А рассудим вот о чём. В сибирских городах должны быть (если не памятники, а почему бы и нет?), то хотя бы улицы, культурные центры имени великого русского писателя протопопа Аввакума. Это дело нашей совести и долга: он был первым писателем, посетившим наши края ещё в середине семнадцатого века (в лето 1657 года, следуя в Дауры, проезжал казачье становище, а на обратном пути из ссылки в лето 1662 года, судя по последним изысканиям историков, вполне мог видеть и острог). Он первым описал грозный нрав Байкала — «на Байкаловом море паки тонул», оценил его диковинную красоту, заметил необычайные очертания байкальских береговых хребтов, так удивлявших ученых, и разгадавших впоследствии секрет их причудливых вершин. У Аввакума, под его художественным взглядом, тупые и широкие гребни Приморского хребта превратились в столпы и «полатки» и даже «повалуши», т.е. в центральную, предназначенную для пиров, возвышенную часть богатых боярских хором, а так называемые байкальские вулканические цирки показались писателю «дворами с оградами каменными».

Идея хоть как-то увековечить память протопопа давно бродит в среде творческой интеллигенции Сибири. И я знаю — не сегодня, так завтра на ней соединятся все, кому дорога наша история и культура, наша русская речь. А пока — помянем протопопа Аввакума Петрова, волшебника великого Русского Слова, великого стоятеля за Русский мир, за древнюю, как он считал, народную, веру. Заодно помянем и всех первопроходцев Сибири, ведь первые-то были староверами.